

Предисловие.

Эволюционная мораль и эволюционная теология.

Одна из величайших потребностей современной русской жизни—это очищение религиозного чувства народных масс от исказивших его предразсудков и суеверий, вызванных трехсотлетним застоєм идеологии православной церкви, подавленной ее подчинением самодержавию.

Когда современного умственно развитого человека спрашивают: верит ли он в Бога, то ему приходится отвечать:

О каком боге вы говорите? Если о библейском боге, в виде старика лет, примерно, восьмидесяти с седой длинной бородой и в полотняной до пят рубашке, ходившем вместе с Лотом осматривать Содом и Гоморру, и теперь сидящем на престоле, на верху стеклянного колпака над нашей атмосферой, то, конечно, нет. Но если вы под этим словом подразумеваете единую и основную,—по учению современной науки—сущность всех творческих сил вселенной, включая в их число и спящие стихийные силы и пробужденные к сознательному творчеству силы органической жизни, каковы наша воля, чувство, разум, и такие же воля, чувство и разум бесконечности созна-

тельных существ во вселенной от века и до века ее жизни, то как же я могу отвергать эту единую и всюду разлитую творческую сущность вселенной, не отвергая этим самым всего, что я вижу, слышу, чувствую и сознаю, в том числе и самого себя и окружающих меня людей и даже вас, читатель?

Все факторы жизни в природе,—учит нас современная физика и рациональная психология,—есть только различные проявления одной и той же, вечно изменяющей отдельные миры и предметы, бесконечной в пространстве и вечной во времени вселенской энергии, искрами которой являемся и мы сами, каждое наше сознающее себя „я“. Психологические сознательно-действующие силы органического мира постоянно переходят в дремлющие силы стихийной природы и обратно, по закону эквивалентности, так что общий коллектив их и отношение между бодрствующей и спящей частью их, вечно остаются неизменными. как неизменен Бог, по учению идейной теологии. Поскольку наше сознание есть одна из форм света, теплоты, электричества, химического сродства вошедших в нас из стихийного мира, постолько же и они сами, по тому же закону эквивалентной обратимости, есть только видоизмененные формы нашего сознания—разума, чувства и воли—и такого же сознания бесконечности существ вселенной, перешедшие в окружающий и продолжающий их стихийный мир.

Учение о единстве сил вселенной есть в то же время и учение о нашем собственном единстве со вселенной, учение о том, что наша психика и наше сознание не отделены от остальной природы непроницаемой перегородкой, что они связаны со всей вселенной, как волны океана с остальной массой его воды, как порывы ветра с нашей атмосферой, как наши мысли с нашим мозгом. С этой точки зрения вся вселенная полна различных форм творческого сознания, и силы стихийной природы отличаются от

наших с'организовавшихся психических сил только своей одеждой, а не сущностью.

Таково научное представление о едином, вечном, вездесущем и все наполняющем творческом начале вселенной, т. е., выражаясь теологическим языком, о Боге-Отце, вечном творце и обновителе „неба и земли, всего видимого и невидимого“, воплотившемся не только в одном Иисусе, сыне прекрасной еврейской девушке—Марии, но и во всяком другом живом существе и говорящем с нами не только через вдохновенных древне-еврейских пророков, но и через каждого другого гения общечеловеческой мысли. Таким постепенно вырабатывает понятие о „Боге“ и в основных своих чертах уже выработало понятие о творческом начале во вселенной современное естествознание со времени установления в середине XIX века закона сохранения энергии в природе и единства, как физических, так и психических ее сил. Такова научная „теология“.

С этой точки зрения естественное религиозное чувство есть не что иное как безкорыстная, льющаяся из глубины души любовь ко всему сущему в мире. Всякий ученый исследователь, будет ли это астроном, с восторгом смотрящий на звездное небо и старающийся проникнуть в его бездонную глубину, или зоолог, наблюдающий жизнь отдельной инфузории, или какой-либо другой ученый, поэт или мыслитель—есть пророк непосредственно беседующий со своим Богом, т. е. с творческим началом—всей вселенной.

Такое нормальное религиозное чувство, т.-е. любовь к правде и знанию, влечет путешественника в неведанные страны, несмотря на трудности и опасности пути, и заставляет математика целые ночи проводить за вычислениями не отсчитывая своих рабочих часов и не мечтая о праздничном отдыхе. Оно внушает поэту его вдохновенные строфы и заставляет друга человечества жертвовать своей жизнью за общее благо. И это же самое чувство побуждает человека изгонять

из своего сознания и из сознания окружающих его людей всякую ложь, т.-е. неправильное представление об истине, так как и самое слово „истина“, по первоначальному своему происхождению, значит: „то, что *есть*“.

Значит, такие книги, как „Миф о Христе“ Артура Дрекса или „Бог Иисус“ Андрея Немоевского есть ни „безбожные“, а, наоборот, высоко религиозные книги, а когда в 1919 г. революционное правительство в России свидетельствовало в монастырях мощи и выставляло на показ верующим эти почерневшие сухие, как палки, и во многих случаях полуистлевшие трупы, говоря народным массам словами древней Библии: „вот, твои боги, Израиль“,— оно делало не „глумление над чувствами верующих“, а высоко религиозное дело. И, наоборот, те, которые в продолжение веков прикрывали эти мумии затканными жемчугом одеждами, выставляя их невеждам как нетленных и чудотворных, совершали кощунство над своим Богом-Отцом, как творческим началом всей вселенной, и над Богом-Сыном, как его воплощением в человечестве, и над Святым Духом, как вдохновением, всепознающей мысли, глаголющей через гениальных мыслителей и тружеников науки всех веков и всех народов.

Да! Мы должны, наконец, откровенно сознаться, что наша бывшая правительственная религия, под руководством иерархии своих сановников-монахов украшенных орденами, обратилась мало-по-малу в сплошное кощунство над „верой“. Этой истины нельзя прикрыть никакой духовной цензурой.

Когда в 1919 г. я выражал свое сочувствие освидетельствованию мощей, некоторые возражали мне: ваше вечное, единое творческое начало, проявляющееся во всех явлениях жизни вселенной, недоступно для понимания современных народных масс. То религиозное чувство, которое побуждает, как вы говорите, друга человечества трудиться безкорыстно для

всех, недоступно простому рабочему, желающему за все получить немедленно материальное личное вознаграждение. Оставьте же этим простым людям бога их простых отцов, чтоб не превратить их в существ, только издевающихся над всем высоким и прекрасным и не признающих ничего умного в мире, кроме того, что удовлетворяет их физиологическим потребностям.

Но это возражение не отвечает на основное требование современной реальной жизни. Не может честный и высоко развитый человек предлагать своим собратям по человечеству для их обихода двух богов:—одного, университетского, для себя и для других ученых и другого, балаганного, для неучей. Ведь это даже невозможно и практически. Между учеными и неучами всегда есть целая иерархия полуучек, через которых все, что говорится на верхах человеческой интеллигенции, неизбежно проникает рано или поздно в низы и, при двойственности учения о Боге для этих двух категорий, вызовет в низах именно то, чего всего более нужно опасаться верхам—обвинения в шарлатанстве и заведомом обмане тех, кого малые способности или суровые условия окружающей действительности остановили на первых ступенях бесконечно высокой лестницы познания.

А ведь евангельский бог, которого проповедуют теперь народным массам, и есть именно такой бог, которого можно назвать только балаганным, а никак не университетским. Разве он не ходит по водам, как на водяных лыжах? Разве он не превращает воду в вино на свадьбах, как фокусники? Разве, подобно современным гипнотизерам, не воскрешает он своих умерших знакомых, когда просто мог бы не допустить их до смерти? Разве не изгоняет он из кишечных каналов людей, страдающих расстройством пищеварения, „нечистых духов“ (или по современному: „газов“) с воплями выскакивающих из них один за другим?

Приличны ли такие „чудеса“ для творца всей вселенной, в которой каждый древесный листок с его тонкими жилками, дыхальцами и клеточками, повторяющийся по тому же образцу во всех других листьях того же вида растений из поколения в поколение, есть несравненно большее чудо, чем все вышеописанные в Евангелиях?

На это один мой благочестивый знакомый несколько лет тому назад ответил уже мне: „Но что же оставалось Богу делать, если все естественные чудеса, на которые вы указываете в природе, совсем не действовали на людей, а действовали только те которые вы называете балаганными?“

Что мне оставалось ответить на такое возражение? Только одно: какое же презрение должен был чувствовать этот бог к тем из своих неудачных творений, перед которыми, для доказательства своего существования, он должен был являться в качестве фокусника и предварителя последующего знаменитого чудотворца графа Калиостро, странствовавшего в конце XVIII века по всей Европе, везде угадывая мысли, вызывая духов с того света, исцеляя без лекарств больных, даже воскрешая и умерших, и начавшего, наконец, творить такие чудеса, что римский папа, испугавшись за судьбу существовавших перед ним чудес Иисуса, заточил его в крепость Св. Ангела, где граф и умер?

Наши теологи должны обратить серьезное внимание на свое критическое положение. Евангельскими чудесами теперь никого не удивишь и не заставишь верить, тем более, что они давно не повторяются, и над ними начинают смеяться. Та первобытная наука, какая излагается в Евангелиях и Библии, совершенно непригодна в век пароходов, паровозов, электрического освещения и электро-магнитных двигателей, телеграфов, телефонов, граммофонов и других современных машин и физических приборов, из которых

каждый представляет несравненно большее чудо, чем все сделанные Иисусом.

Научные теории Библии о происхождении мира, ее астрономические, географические, космологические системы и представления, даже ее зоологическая классификация всех животных, разделяющая их на таких, которых можно есть и которых есть нельзя, все это слишком расходится с современной наукой, преподаваемой уже в школах I степени.

Теперь все это, даже для ребенка, не божественные откровения, а только неудачные попытки наивных полудикарей составить себе хоть какое-нибудь представление об окружающем их мире. Разве можно выходить в свой путь морального обновления человечества с таким богатством и становиться в этих нищенских лохмотьях в школе рядом с современной высоко развитой наукой, утверждая, что „и то и другое верно“?

Теологи должны откровенно сознаться, что в евангельских поучениях многое хромает даже и в моральном смысле. Разве первый же тезис знаменитой Нагорной проповеди „блаженны нищие духом“ (т. е. попросту невежды и глупые) не есть возвеличение того, с чем должно бороться? Разве выражение: „если имеешь две рубашки, отдай одну нищему“, не есть уравниение всех людей по самому низкому уровню жизни, которое привело бы к тому, что в следующем же поколении все стали бы ходить совсем без рубашек? Ведь рубашки не падают с неба, одному много, а другому ни одной. Они добываются только двумя способами: или собственным упорным трудом (все равно, непосредственно, или на обмен) или путем воровства и грабежа. В последнем случае вор или грабитель, если раскаются, предпочтут отдать свою вторую рубашку тому, у кого ее взял, а не по евангельской заповеди—нищему, иначе он не раскаялся бы,—и снова пойдет воровать и грабить. Если же человек сам сделал себе вторую

рубашку или выменял на другой продукт своего труда, то это значит, что она для чего-то ему нужна, хотя бы для того, чтобы ходить в чистоте и иметь возможность выстирать первую, не оставаясь голым. И раньше, чем отдать ее встречному попрошайке в лохмотьях, ему целесообразнее уговорить его бросить попрошайство и сделать себе тоже две и даже три рубашки. Значит, истинная мораль должна бы тут формулироваться совсем иначе: помогай своему ближнему найти работу и, если увидишь человека без рубашки, дай ему возможность сделать себе две и три.

Это, конечно, тоже не абсолютная мораль, а мораль индивидуалистического периода развития личности, характеризующегося не любовью человека к труду а стремлением сократить до минимума его время. Когда человек поднимается на высшую психическую ступень и ему будет хотеться с утра до ночи работать на своих ближних от полноты своей души, то и мораль будет другая: „не давай своему ближнему трудиться для других слишком много,— удержи его руку и отвлеки его, чтобы не переутомлялся!“ Но такая заповедь в настоящее время приложима только к труженникам мысли, а не к области физического труда.

Образованные теологи должны, наконец, понять, что моральные теории, подобно научным, должны быть не воздушными замками, построенными из облаков их собственной разыгравшейся фантазии, а в основе каждой теории или гипотезы должны лежать реальные факторы современной жизни, и их моральные требования от людей должны изменяться и совершенствоваться по мере изменения и совершенствования человеческой психики.

Как нельзя правительственным декретом отменить закон тяготения, так нельзя одним приказанием, вроде знаменитого евангельского „люби ближнего своего как самого себя“, заставить деревенского спекулянта

сделаться другом человечества и даже сбавить хоть 10% с затребованной им за кусок хлеба непомерной цены. Правда, что к этой заповеди теологи прибавляют и очень действительный корректив: „если ты не будешь чувствовать любви к ближнему и доказывать это чувство на деле, то после смерти попадешь в ад, где огонь не угасает, и вопль, и скрежет зубов не умолкают“.

Но разве такая любовь и добродетель из-под палки есть на самом деле любовь и добродетель? Разве это то, что горит в сердцах высоко развитых современных друзей человечества? Разве это не просто лицемерная любовь из страха наказания?

Что же мы видим? Любовь, как и ненависть, как душевная чистота или душевное коварство, не возникают по приказанию, а развиваются эволюционно, по мере развития человеческой души, в прямой зависимости от физиологического осложнения функций человеческого мозга, т. е. совершенства его микроскопической структуры. Выражение „люби ближнего, как самого себя“, не есть какое-либо новое открытие в области морали, способное воздействовать на дальнейший ход человеческой общественной жизни, подобно открытию пароходства, или воздухоплавания, или, наконец, Америки, а только своеобразное формулирование человеческой душой, недавно вышедшей из эгоистического младенчества, чувства, возникшего *в ней самой*. Это не заповедь, не приказание, а просто вырвавшийся из души произвольный крик: я чувствую новое чувство, я чувствую, что я люблю!

И на этот крик отзовутся таким же восторженным криком только души, стоящие на том же самом, уже достаточно высоком уровне нервно-мозгового, а с ним и психического развития, — а те, которые не достигли этого уровня, воспримут такой крик только как странную для них фразу и, если захотят придать ей какой-нибудь посильный для них смысл, то поду-

мают прежде всего, что тут какое-то ловкое плутовство с целью их надуть, или какая-то непонятная психическая болезнь, которая, конечно, скоро пройдет и тогда человек вдвое сдерет с окружающих за все, что потерял во время нее.

И действительно, такого рода трагические недо-разумения уже не раз бывали между толпою и друзьями человечества, недостаточно вдумавшимися в действительность, чтобы понять, что душа дикаря или полудикаря стоит не на таком же фундаменте, как их собственная душа, что она смотрит на окружающий мир не через широко открытое окно, а через узкую щель в стене.

Современный профессиональный проповедник морали должен учесть все это и понять, что одними заповедями, вроде евангельской, тут ничего не поделаешь, что любовь к ближнему, как и влюбленность, расцветает, как цветок, только тогда, когда в душе человека наступает весна и в ней делается тепло. А это бывает не сразу и не у всякого в той же мере.

В первый период своей жизни человек всегда есть олицетворение первобытного эгоизма, не отличающего добра от зла. Ребенок сначала все хватает и кладет себе в рот, чтобы с'есть, а потом, когда увидит, что не каждый раз в состоянии это сделать, он держит крепко пальчиками всякую попавшуюся ему вещь до тех пор, пока, обратив внимание на что-нибудь другое, не забудет ее и не выронит. Потом он начинает, по чисто животному способу, любить того, кто его кормит и носит, но он его любит также эгоистично, как и крестьянин свою корову, пока она дает ему молоко. Потом подрастающий и эволюционирующий во всех отношениях ребенок начинает понимать, что отец и мать не только его кормят, но и любят, т. е. бескорыстно трудятся для него, и как отзвук на эту любовь, появляется и в нем такое же возвратное чувство и его любовь, возникшая как отзвук одного